

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА 90-х И НАЧАЛА ДЕВЯТИСОТЫХ ГОДОВ

Состав рабочего класса. Классовые противоречия в Иваново-Вознесенске к началу XX в. получили особенно резкое выражение. «Классовые противоречия здесь обнаружены до мозга костей: рабочие, угнетённые до последней степени, с одной стороны, и капиталисты-фабриканты, пропитанные самыми грубыми эксплуататорскими инстинктами, – с другой, не имеют между собой никаких переходных слоёв, какие существуют в культурных центрах в лице «общества», «интеллигенции», учащейся молодёжи. В Иваново-Вознесенске нет интеллигенции; многочисленная дипломированная фабричная администрация всецело стоит на стороне своих патронов. Рабочий остаётся лицом к лицу со своим эксплуататором-фабрикантом».¹

С 1890 до 1905 г. количество фабрично-заводских рабочих в Иваново-Вознесенске выросло с 14 до 30 тыс. человек, из них более 11 тыс. женщин. Основную массу рабочих – свыше 14 тыс. человек – составляли ткачи. Вся эта масса стягивалась из деревень, особенно интенсивно начиная с 60–70-х гг., когда ликвидировалось ручное ткачество.

В 1899 г. в земскую подворную перепись была включена рабочая слобода Ямы, в которой жило исключительно рабочее население Иваново-Вознесенска. Данные этой переписи дают представление о социальном и экономическом лице иваново-вознесенского пролетариата в конце XIX и начале XX вв.²

Огромное большинство рабочих Иваново-Вознесенска – в прошлом крестьяне б. Шуйского уезда, Владимирской губернии, и прилегающей к Шуйскому уезду части Костромской губернии. Шуйский уезд и Костромская губерния вместе дают 55,5% рабочих мужчин и 57,7% женщин, в том числе на Шуйский уезд приходится 20,9%. Многие рабочие, проживавшие на Ямах, принадлежали к крестьянам Владимирской губернии, главным образом к бб. Ковровскому и Суздальскому уездам. Всего из Владимирской губернии, кроме Шуйского уезда, на Ямах проживало рабочих: 35,6% мужчин и 37% женщин. На другие губернии, кроме Костромской, приходилось только 8,3% мужчин и 4,8% женщин.

Таким образом, ядро фабричного населения Иваново-Вознесенска составляли местные крестьяне.

Но наряду с ними работали и крестьяне, пришедшие из отдалённых губерний. Среди них были уроженцы Тамбовской, Орловской, Рязанской губерний, а также с Нижней и Средней Волги, из Сибири и даже с Соловецких островов.

Нужда и поиски заработка заставили всех их уйти далеко от родных мест.

Особенно много пришельцев издалека работало на ситцепечатных фабриках. На Куваевской мануфактуре они составляли до 23% общего числа рабочих. Постоянный наплыв «пришлых» рабочих давал возможность капиталистам особенно жестоко эксплуатировать их и систематически снижать заработную плату. Измученные нищетой и голодом, они охотно соглашались на любые условия. Один из рабочих так описывал обычный приём на работу: «Требуется на фабрику человек 10–15, а у ворот фабрики стоит 100–200 человек, вот и начинается тут выбор... Приказчик обходит, смотрит и, если заметит стоящего в лаптях и в поддёвке, говорит: «этого возьму»... если же рабочий одет попримечнее и почище, он говорит: «больше не надо, набор кончен». Рабочих из некрестьянских «сословий» насчитывалось от 5,3 до 10%. Большинство рабочих сохраняло формальную связь с деревней, владея наделом, но действительная связь с землёй была очень слабой.

Автор исследования по материалам переписи, исходя из того положения, что «действительная связь должна, главным образом, выражаться в общности семейного бюджета», указывает, что «из 5061 рабочего обоего пола (о 662 рабочих нет сведений) 4083 рабочих ничего не посылают из своего заработка в деревню; они составляют 80,6% всех рабочих. Это и есть число рабочих, порвавших действительную хозяйственную связь с деревней, и только 19,4% рабочих несомненно близко стоит к деревне».

Что побуждало крестьянина идти на фабрику? «Толчком к выселению из деревни служит утрата в деревне прочного хозяйственного положения; эта печальная участь постигает прежде всего слабых членов общин, лишаящихся надела. За ними следуют, по своей численности, излишние рабочие – члены больших крестьянских семей; они не только сохранили связь с деревней в смысле владения наделом, но не перестали обрабатывать землю, на которой остаётся большая часть семьи, чаще – старики или второстепенные члены семьи – женщины, подростки или семьи одного из братьев, живущих: одним хозяйством в деревне. За этой группой следует менее многочисленная группа семей, ликвидировавших своё полевое хозяйство, но сохранивших право на надел и поэтому связанных с деревней повинностями, налогами. Некоторые из них оставляли в деревне часть семьи, малолетних детей или: стариков, не способных к труду...». Так шла пролетаризация деревни, пополнявшая ряды рабочего класса, – в частности, их ряды иваново-вознесенского пролетариата.

Более половины обследованных рабочих (55,2%) жило в Иваново-Вознесенске менее пяти лет, более четверти (28,6%) – менее одного года. Эти цифры говорят о значительном передвижении рабочего населения. На 28,6% ежегодно прибывающих приходилось 14–20% выбывающих.

Ежегодным осенним наплывом рабочих пользовались фабриканты для снижения заработной платы и общей борьбы с рабочими. В № 10 «Искры» за 1901 г. (ноябрь) сообщалось: «у Бурылина рабочие начали было стачку, но её сорвали пришедшие из деревни рабочие. Вот она «связь с землёй».

В каком возрасте поступали рабочие на фабрику? До издания в 80-х годах законов, регулирующих детский труд, некоторые рабочие поступали на фабрики в возрасте до 10 лет. Так, произведённым в начале XX в. обследованием было установлено, что 4% рабочих поступили на фабрику в возрасте до 10 лет, около 25% начали работать с 11–15 лет и более, 33% – с 16–20 лет.

Положение рабочих. Бытовая и правовая обстановка жизни иваново-вознесенских рабочих, как и в предшествующие годы, оставалась по-прежнему очень тяжёлой.

Характерным был порядок найма на фабриках Иваново-Вознесенска, он держался как пережиток старых связей рабочего с землёй и использовался фабрикантами для нажима на рабочих. Договоры о найме рабочих происходили два раза в год: весной «после пасхи» на летний срок и осенью после «покрова» («пасха» – весенний церковный праздник, «покров» – церковный праздник 1 октября) на зимний срок, когда рабочие как бы снова поступали на фабрику. На самом деле никто с рабочими ни о чём не договаривался, а обычно за две недели до «пасхи» администрация фабрики вывешивала объявление, если находила выгодным изменить те или другие условия работы и расценки. Почти всегда и на всех фабриках за две недели перед «покровом» объявлялось о понижении расценок, увеличении штрафов и пр. Затем в первый же рабочий день после «покрова» и «пасхи» рабочие приходили в контору, получали расчётные книжки у одного стола и передавали в другой. Передавший книжку на другой стол – соглашался работать на объявленных условиях, этим заканчивалась процедура «договора». На языке рабочих это называлось «задавать книжки». И после «покрова» задавали книжки почти поголовно все рабочие, несмотря на ухудшение условий работы. Но не всех принимали: того, кто почему-либо не нравился администрации, – не принимали и заменяли «запасным», принятым на фабрику раньше. Эти «запасные» числились кандидатами к станку, никакой платы не получали, несмотря на то, что приходили ежедневно на фабрику вместе с остальными рабочими, и, только в случае невыхода кого-нибудь на работу, занимали их места и получали их сдельную или установленную подённую оплату труда. За «запасными» наблюдали, следили и отмечали тех, кто отличался покорностью и усердием. Таких скорее ставили на «пары» и к лучшим станкам. Фабричная администрация посредством института «запасных» искусно подбирала на фабрику покорных рабов. Вот этими-то покорными рабами и заменялись те, которые просеивались на «покров», как непокорные.³

Поступив на фабрику, рабочий оказывался в крайне неустойчивом положении. По данным земского обследования видно, что немногие рабочие оставались на одной фабрике более пяти лет. Половина обследованных рабочих работала на фабрике первый год, 20–28% работали от двух до пяти лет у одного хозяина, менее 25% работали дольше пяти лет.

Сведения о рабочих, перебивавших в течение года хозяина, и о рабочих, бывших без работы, также вскрывают неустойчивость в положении

иваново-вознесенских рабочих: 6–7% рабочих переменяли в течение года одного хозяина, около 8% работниц переменяли двух хозяев, 13% рабочих переменяли даже трёх и более хозяев. Рабочие-мужчины перенесли безработицу 14 человек из 100, работницы – восемь из 100. Перерыв по безработице в среднем продолжался от 35 до 45 дней на одного рабочего. У работниц перерывы продолжительнее – от 40 до 50 дней, В итоге обследование приводило к такому выводу: «Отсутствие прочного и постоянного положения на одной фабрике сохраняло рабочего от тяжёлой подчинённости и зависимости от хозяина: между фабрикантом и рабочим не завязывается прочных уз, и, благодаря этому, рабочий становится независимым, легко проникается классовым самосознанием, классовыми интересами и, в случае нужды, дружно поднимается на защиту этих интересов. Для рабочего, который не может наверное сказать, где он будет жить и, особенно, работать завтра, единственной опорой в жизни может быть только слияние своих интересов с интересами всей рабочей массы, своих нужд с нуждами и заботами всей массы».

Рабочий день до 1897 г., когда закон установил продолжительность его в 11½ часов, на ситцепечатных фабриках длился от 14 до 16 часов в одну смену, а на ткацких и прядильных – круглые сутки в две и четыре смены. В последнем случае работали на предприятии те же две смены рабочих, но они замещали друг друга в фабричных корпусах через каждые 6 часов труда. С 1897 г. на ситцепечатных фабриках работа начиналась в 6 часов утра и заканчивалась в 7 часов вечера с полуторачасовым перерывом на обед. На некоторых ткацких и прядильных фабриках существовало такое же распределение времени, но большинство работало в две смены – от 4 часов утра до 1 часа дня и от 1 часа дня до 10 часов вечера.

Изнурительность 11½-часового рабочего дня особенно сказывалась в ситцепечатных фабриках. В одном из обследований начала XX в. об условиях работы на фабриках Иваново-Вознесенска говорилось: «В отбельном отделении и на плюсовых рабочие употребляют противоядие – молоко и лук, так как воздух, насыщенный едкими, ядовитыми газами, действует как острая отравка: рабочие часто впадают в обморок... В сушильном отделении работы производятся при температуре, доходящей до 60° по Реомюру, и рабочие снимают во время работы рубашки. На «мойных машинах» рабочий не может работать более двух лет. В химической лаборатории – те же невыносимые условия, как и в отбельном и плюсовочном отделениях. У прессовальщиков, которым приходится работать рельефы с помощью крепкой водки, обыкновенно вываливаются зубы. Ещё молодой рабочий, проработавший прессовальщиком 14 лет, потерял все коренные зубы. Воздух в помещениях прессовальных отделений до такой степени пропитан парами крепкой водки, что газетная бумага желтеет через два-три часа».⁴

Установленный рабочий день нередко удлинялся сверхурочными работами. В корреспонденции «Искры» (октябрь 1901 г.) сообщалось: «Ивановский

городской голова Дербенёв на своей фабрике изнуряет рабочих сверхурочными работами, делящимися иногда всю ночь».

Меры технической безопасности на фабриках были совершенно недостаточными, что часто приводило к несчастным случаям. В газете «Русский листок» за 1898 г. (№ 244) сообщалось из Иваново-Вознесенска: «За последнее время на наших фабриках произошёл ряд несчастий. На фабрике Фокина убило насмерть кочегара большим колесом паровой машины. Это колесо не было ничем ограждено. У Грязнова шорник попал в привод ремня и получил ушибы ног. У Витова в один день случилось четыре несчастия – двоих убило и двоих изувечило».

Реальная заработная плата рабочих, как и в предшествующем периоде, снижалась под всякими предлогами. По официальным отчётам фабричных инспекторов за 1904 г. средняя заработная плата по 18 наиболее крупным фабрикам, охватывающим до 20 000 рабочих, по группе широкой специальности составляла 12,53 руб. в месяц, колеблясь от 9,38 руб. до 16,38 руб. Ткачи в среднем зарабатывали 13,63 руб. в месяц. По группе более узких и выше оплачиваемых работ средняя заработная плата была 27,64 руб., колеблясь от 19,04 руб. до 47,80 руб. (гравёрные мастера). По неофициальным сведениям того же времени «средний заработок рядовых рабочих на швейных фабриках не превышает 10–11 руб., на ткацких – 12–14 руб.».⁵ Сравнительно с 80-ми гг. номинальная плата выросла незначительно: ткачи зарабатывали больше только на 1 руб. 80 коп.

Продолжались и обсчитывания рабочих. «Искра» в № 3 за 1901 г. сообщила: «На фабрике Бурылина практикуется в широких размерах обсчитывание рабочих при выдаче заработка».

При остающейся почти без изменений заработной плате цены на продукты неуклонно росли. Работавший в 1890–1900 гг. на фабрике Ф. Н. Самойлов о питании своей семьи, находившейся, благодаря нескольким работникам в семье, в лучшем сравнительно с другими положении, пишет: «Пища не улучшилась по сравнению с деревенской. Круглый год мы ели чёрный хлеб (белый пекли только по праздникам), щи из зелёной и кислой капусты, огурцы, иногда гречневую или пшённую кашу; мясо, молоко и масло мы видели только два-три раза в год, по самым большим праздникам».⁶

О том, в каких жилищных условиях находились иваново-вознесенские рабочие в 90-е гг., красноречиво говорят данные упомянутого выше земского обследования местечка Ямы, где жила главная масса рабочих (по данным 1904 г. из 83 472 жителей Иваново-Вознесенска на Ямах жили 28 622 человека). «Ямы» производили удручающее впечатление: «Шумные, тесные, пёстрые слободки, на которые не простиралась ни заботливость городского управления, ни архаическая власть сельского мира, а только одна полиция имела беспрепятственный доступ во всякий час дня и ночи в эти утопающие в грязи улицы с небольшими, словно игрушечными, домиками. Слободки похожи на табор, на толкучку, где всё меняется, течёт, одни уходят, другие при-

ходят; как грибы, растут новенькие блестящие жёлтые домики, без всяких хозяйственных пристроек, одинокие среди пустырей, заваленных мусором; они вытягиваются в линию, и скоро в линии становится тесно им, и новые флигельки начинают пристраиваться сзади, на дворах. И на всём пространстве этих кварталов не видно ни одной берёзки, ни одного кустика зелени. Пыль и грязь на улицах, мусор во дворах, и бесконечный грохот фабрик, и пыль и копать в воздухе».

Рабочий редко занимал целую квартиру; обыкновенно он нанимал в чужой квартире угол или ночлег. «Более половины обитателей Ям живёт в квартирах, в которых на одного жильца в среднем приходится менее $\frac{1}{2}$ того количества воздуха, которое гигиеной признаётся за минимум».

«В полной гармонии с... поразительной скученностью находятся и все остальные условия: недостаток света, постоянная грязь и пыль, отсутствие коек и постоянного места для постели. Лица обоего пола и всех возрастов размещаются на ночлеге, где можно и как можно, на полу, на скамьях, на полатях. В редких квартирах имеются деревянные койки, занимаемые привилегированными жильцами, семьёй хозяина квартиры или семьёй жильцов на особых условиях. Нет места для постелей и нет также своих постелей, не всякий жилец имеет подушку и одеяло; большинство спит в верхнем платье: шуба, пальто служат и постелью и платьем...»

Часть рабочих жила, как и ранее, при фабриках в «казармах» или «спальнях». Это были большие комнаты, сплошь уставленные койками с узким проходом между ними. Каждая койка состояла как бы из четырёх односпальных, вместе составленных коек, отгороженных одна от другой низенькими стенками, образующими крест. Возле коек не

Казарма.

было ни столов, ни табуретов; около окон расставлены были столы, не больше как по одному столу на двадцать человек. В некоторых спальнях вместо коек были нары.⁷ Устройство общих спален – пережиток старых порядков, когда рабочие на ивановских фабриках и мануфактурах жили в фабричных помещениях, в самих мастерских. Потом эти помещения обособились от мастерских, но характер временных ночлежных приютов с казарменным режимом уцелел.

Естественным последствием таких условий жизни и работы явилось широкое распространение заболеваемости среди рабочих. Испытавший всю тяжесть тогдашних условий жизни иваново-вознесенских рабочих, Ф. Н. Самойлов в своих воспоминаниях пишет: «От работы в густо насыщенном едкой хлопковой пылью помещении и недоедания большинство рабочих страдало лёгочными болезнями. От непрерывного оглушительного грохота ткацких станков и обилия хлопковой пыли большинство ткачей болело туберкулёзом и постепенно теряло слух».⁸

По данным фабричных амбулаторий заболеваемость рабочих в период 1902–1908 гг, составляла 272,7 – 383,5%: это уменьшенные, неполные сведения, так как в них не вошли данные о больничных посещениях. По отдельным предприятиям заболеваемость рабочих доходила до 832,5%. Рабочие болели по несколько раз в год каждый.

Тяжёлое экономическое положение иваново-вознесенских рабочих было тем более невыносимо, что к нему присоединялось общее бесправие, опека и произвол фабричной администрации. «В надзоре за рабочими участвует почти бесконечная цепь разного начальства от сторожа до самого хозяина; в эту цепь легко вмешивается и пронырливый наушник из ряда тёмных рабочих, забирает в руки рабочего и ловкий табельщик, сумевший «услужить» управляющему... Администрация и рабочие – это два враждующие лагеря на фабрике. Администрация преследует рабочих, рабочие платят презрением, насмешками, ненавистью... Общая жалоба рабочих – на грубое обращение с ними со стороны начальствующих. В грубом обращении обвиняются не только сторожа, табельщики, мастера, но и управляющие и даже фабричные врачи... Мастера часто берут взятки и деньгами и угощением... Женщины подвергаются преследованиям...»⁹

Не находили рабочие защиты и у фабричной инспекции, которая должна была наблюдать за исполнением фабричных законов и хоть в какой-то степени обуздывать произвол фабрикантов. В действительности она защищала интересы предпринимателей. Характерную иллюстрацию этому находим в корреспонденции «Искры» из Иваново-Вознесенска (апрель 1901 г., № 3). Рабочие фабрики Бакулина обратились к фабричному инспектору по поводу частых задержек заработка, понижения расценок, грубого обращения и частых штрафов, но не только не нашли поддержки, а инспектор, как говорится в корреспонденции, «принял самые суровые меры против рабочих, и хотя рабочие указывали ему, что он помощник фабричного инспектора, а не полицейский чиновник, он всё-таки призвал полицеймейстера, который явился с казаками».¹⁰

Внутренний распорядок в производстве, труд рабочего чрезвычайно подробно регламентировался в расчётных книжках каждой фабрики, причём рабочему вменялось в обязанность, кроме его основной работы, производство массы побочных, не свойственных его профессии, тяжёлых работ. Так, например, в расчётной книжке фабрики И. Гарелина указывалось: «Напорщи-

ки, кроме работы у напорных прессов, обязаны приносить валы из манерной для напирания, класть их на пирамиды, класть валы на шлифовальный станок и снимать с него, носить валы в гравёрную и обратно и относить валы в манерную и по назначению приносить и относить шипы». «Рабочие запасные и женщины запасные обязаны исполнять все работы, относящиеся к производству, какие укажет старший в отделении, и мыть полы в фабричных помещениях».

В одной из корреспонденций «Искры» (апрель 1902 г.) приводятся поразительные факты о положении рабочих на фабриках Иваново-Вознесенска: «На фабрике Бурылина фабричная администрация очень усердно занимается выслеживанием «неблагонадёжных рабочих»... обращение с рабочими страшно грубое... Невозможные порядки на фабрике Полушина. Рабочих держат, как «в тисках», и не отпускают с работы даже по болезни. Возмутительный и в то же время характерный для наших фабричных порядков случай произошёл на этой фабрике. Одна работница очень сильно захворала; она не один раз заявляла о своей болезни и просила отпуска – поправиться здоровьем, но получала отказ. Когда однажды, уже совсем больная, она обратилась с той же просьбой, ей пригрозили расчётом. На слова, что нечем кормиться, был короткий ответ: «Чёрт бы тебя подрал, дохни». Шатаясь, пошла она с фабрики, но, задыхаясь, села на лавку, а минут через пять умерла; об этом доложили табельщику. Тот, испугавшись, тотчас оповестил всю фабричную администрацию, и вот собравшаяся стая, с целью выгородить себя из этой истории, придумала гнусную вещь: написали отпуск для лечения, положили его в карман покойницы и отправили её в больницу.

Рабочих давят со всех сторон, придираются к работе, штрафуют, мастера заставляют работниц мыть полы и стирать бельё. Основы и те даются со взятками... Фабричная администрация пользуется всяким случаем и урывает у рабочих скудный заработок».¹¹

В расчётных книжках указывались все виды штрафов, которым подвергались рабочие. На фабрике Кокушкина и Маракушева – «за нарушение тишины и спокойствия в помещении спальной, столовой и кухне штраф от 5 до 25 коп.» На фабрике Н. Дербенёва – «за спанье во время работы» – «штраф от 5 до 50 коп.», а «за дреманье» – от 5 до 50 коп. На фабрике Зубкова – «за грубость, брань и угрозы лицам, принадлежащим к составу фабричной администрации, от 5 до 50 коп.». В расчётной книжке фабрики Н. Гарелина говорилось, что «месячная плата рассчитывается по числу 30 дней, а удерживается... с рабочих... по расчёту 24 рабочих дней».¹²

На фабриках существовала полукрепостная система травли и принижения рабочих.

Рабочие относились к фабрике и фабричному труду с нескрываемой ненавистью. С. И. Балашов, поступивший на одну из фабрик Иваново-Вознесенска в конце 1880-х гг., пишет в своих воспоминаниях: «фабрику я продолжал ненавидеть так, как может ненавидеть свободолюбивый человек тюрьму

с каторжным режимом, и мирился с ней только потому, что больше некуда было деваться, так как впереди не видно было никакого просвета».¹³

Уничтожающую характеристику положения иваново-вознесенских рабочих даёт даже полицейская переписка того времени, где тяжёлое положение считалось причиной «готовности рабочих... примыкать к подпольной организации». В начале 1905 г. владимирский вице-губернатор писал губернатору: «Несомненно, что на многих фабриках с рабочими обращаются крайне грубо, особенно же страдают женщины. При обысках нигде женская стыдливость не щадится, почти везде их обыскивают мужчины; доходят до того, что даже в отхожих местах для женщин сторожами стоят мужчины. Мало-мальски смазливые девушки и молодые женщины подвергаются преследованиям не только со стороны фабричной администрации, но иногда и со стороны директоров и владельцев. Весьма часто низшая администрация на фабриках и заводах состоит из людей, стоящих в нравственном отношении очень невысоко, и эти люди налагают взыскания и штрафы на рабочих, действуя на основании своих личных симпатий и антипатий, причём зачастую вымогают от рабочих деньги...»¹⁴

Ко всем этим невыносимым условиям присоединялось бескультурье, среди которого жил иваново-вознесенский рабочий. Дети рабочих не обеспечивались даже начальной школой. Между тем тяга к образованию среди рабочих была очень сильна. Рабочие удовлетворяли её путём самообразования, преодолевая большие препятствия и затруднения. Об этом говорят рабочие в своих воспоминаниях. Н. И. Махов о своей жизни в фабричной «спальне» в 90-х гг. пишет, что он и его товарищи «стали заниматься по вечерам чтением. Книги покупали на толкучем рынке, больше всего про атаманов-разбойников... Читали и под праздники, когда разрешалось не спать часов до двенадцати... Я пристрастился к книгам, всегда таскал их с собой. Наконец, не стерпел и стал читать украдкой во время работы». Но общее бескультурье давало себя знать. Н. И. Махов рассказывает: «...кроме отдыха, укрепления физических сил, рабочие мало извлекали пользы из праздничных дней. У них не было очагов культуры. Не только не было пунктов общения: клубов, театров, школ для взрослых, но и серьёзной книжки негде было купить. И мы, скуки ради, ввязывались в кулачные бои. Надо же было где-то и чем-то проявлять себя – своё «геройство», молодечество и удаль. На бой нас вызывали кулачники с Ям. Они подходили по праздникам толпой к воротам гарелинской фабрики и кричали: «Эй, выходи!», и выходили за ворота охотники до кулачного боя, каких находилось в гарелинской спальне не мало. Дрались и во время обеденных перерывов рабочие ситцевых фабрик Дербенёва и Маракушева. Дрались на кулачных боях без вражды и злобы».¹⁵ Такова была своеобразная «физкультура» в условиях капиталистического Иваново-Вознесенска.

Ф. Н. Самойлов, вспоминая о тех же 90-х гг., так рассказывает о своём самообразовании: «придя усталый с работы, не ложился спать тотчас же

вместе с другими... а брал книгу, зажигал купленную на собственные деньги свечку и читал до тех пор, пока не начинали слипаться глаза... Уносясь мысленно вслед за героями романов, я задумывался над их положением, искал для них выхода и вместе с тем незаметно переходил к мыслям о беспросветности моей жизни, тщетно стараясь придумать выход и для себя. Книги учили меня думать. Вначале я читал таких авторов, как Жюль-Верн, Майн-Рид, Купер и увлекался описаниями путешествий и приключений. Позднее я перешёл к классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Читал также различные романы из приложений к «Ниве», «Родине» и др. журналам. Изредка в нашей бесплатной библиотеке появлялись научно-популярные книжки. Всё это читалось... без всякого порядка и прочитанное, конечно, плохо запомнилось... За пять-шесть лет я прочитал массу самых разнообразных книг, но любопытно, что не встретилось ни одной, которая смогла бы разбудить моё классовое самосознание». ¹⁶

С. И. Балашов в своих воспоминаниях писал: «Я любил читать и много читал о разных путешествиях и открытиях новых земель... Я прочитал Дарвина и «Как люди на белом свете живут» Водовозова. Это чтение дало огромный толчок моей мысли: с одной стороны, пошатнуло мои религиозные убеждения, с другой – раскрыло передо мной картину жизни людей на земном шаре вообще и жизнь западноевропейских рабочих, в частности. Здесь я увидел новую жизнь, не похожую на нашу каторжную, но выхода из этого положения я не мог сам найти, так как не было человека, который мог бы указать мне тот путь борьбы, с которым я познакомился позднее, когда вступил в партию». ¹⁷

Источником истинного просвещения рабочих стала революционная марксистская организация, возникшая в Иваново-Вознесенске в начале 90-х гг. И. В. Бабушкин в упоминавшейся выше напечатанной в «Искре» (1901 г. № 9, октябрь) статье «В защиту иваново-вознесенских рабочих» писал: «Выходит, что русскому рабочему нет возможности развиваться цензурно, и потому он охотно склоняется достигать этого бесцензурным путём, и вот выходит, что где бы ни появилась нелегальная литература и в каком угодно количестве, её всё равно чувствуется большой недостаток; рабочие читают её, интересуются ею, скрывают её, хотя всё это сопряжено с большими неудобствами и нередко небезопасно для личности... Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но зато все книги наподбор и постоянно читаются».

Первый рабочий марксистский кружок. Попытка народнической пропаганды среди иваново-вознесенских рабочих в 70-х гг. XIX в. успеха не имела. В 80-х гг. возникла нелегальная организация – кружок из местных интеллигентов под руководством И. О. Слуховского. Кружок преследовал, главным образом, цель самообразования и отчасти пропаганды, но определённой политической окраски не имел. На программу его влияло и народничество, и толстовство. Никаких корней в рабочей среде кружок не пустил и распался после жандармского набега в 1890 г. ¹⁸

Первые марксистские организации в России возникают в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. В. И. Ленин называет эти годы первым периодом в развитии русской социал-демократии – периодом её «утробного развития»¹⁹, когда марксисты ещё не имели тесных связей с рабочим движением, а число членов первых марксистских кружков насчитывалось единицами.

Впервые социал-демократические организации возникли в Петербурге, Москве, Казани и других крупных промышленных центрах. В них объединялись наиболее развитые передовые русские рабочие и часть революционной интеллигенции.

В 1892 г. первый марксистский революционный кружок возник и в Иваново-Вознесенске. Инициатором создания его была Ольга Афанасьевна Варенцова (1862–1950 гг.) – одна из зачинательниц рабочего движения в России. Ещё ученицей Владимирской гимназии она участвовала в народных кружках. По делу народнической организации Варенцова была арестована, отбывала заключение в Шуйской тюрьме, а затем выслана была к родителям в д. Куликово (около Иваново-Вознесенска) под надзор полиции. Под влиянием прочитанных книг в начале 90-х гг. она изменила свои взгляды на жизнь, став убеждённой марксисткой. Проживая в деревне, она искала себе товарищей среди фабричной молодёжи и подружилась с братом и сестрой Новиковыми, а через них и с другими рабочими.

Первым непосредственным руководителем марксистского кружка был сосед Варенцовой по деревне Ф. А. Кондратьев. Он учился в Петербургском технологическом институте, где был членом марксистского студенческого кружка Бруснева и братьев Красиных. Весной 1891 г. Кондратьев принял участие в политической демонстрации на похоронах прогрессивного писателя публициста Н. В. Шелгунова, за что был исключён из института и выслан под надзор полиции к родственникам в Иваново-Вознесенск. Ф. А. Кондратьев получил поддержку со стороны Варенцовой и завёл знакомство с рабочими фабрик. По вечерам в маленькой квартирке Кондратьева на Ямах стали собираться до десятка рабочих. Велись оживлённые разговоры, о наболевших вопросах из жизни иваново-вознесенских рабочих – о тяжёлом их положении, богатстве фабрикантов, нищенской оплате труда, о средствах борьбы – стачках и т. д.

В ноябре 1892 г. кружок оформился организационно: в него вошло семь рабочих. В их число входили: рабочие ситцепечатной фабрики Куваевской мануфактуры Н. Н. Кудряшёв и Е. В. Новиков; ткачи А. Д. Трегубов, К. Н. Отроков, Е. Гаравин; сторож ночлежного дома С. Гаравин и рабочий железнодорожного депо М. А. Багаев. Ф. А. Кондратьев составил устав кружка; целью кружка ставилась «организация рабочих для борьбы с буржуазией за улучшение положения рабочего класса и пропаганда идей социализма».²⁰ У кружка была собранная Кондратьевым библиотека, включавшая кроме легальных книг и нелегальные издания, в числе их находилась гектографированная брошюра – популяризация первой главы «Капитала» К. Маркса – «Товар – деньги – товар».

В конце 1892 г. Ф. А. Кондратьев уехал из Иваново-Вознесенска на военную службу. Руководителем кружка остался М. А. Багаев.

В начале мая 1893 г. кружок организовал впервые в Иваново-Вознесенске «майский праздник» в сосновом бору около фабрики товарищества Витовой (в настоящее время фабрика «Красная Талка»). На маёвку собралось человек 15. Участники маёвки укрепили на вершине дерева небольшой красный флаг, слушали горячие революционные речи и спели несколько любимых песен.

Летом 1893 г. кружок объединял до двадцати членов рабочих разных фабрик. Десятка два распропагандированных рабочих ещё не входили в кружок. Осенью этого года у кружка появилась конспиративная квартира в доме ткача И. М. Кукина по Ново-Задней улице (ныне Конспиративная ул., дом не сохранился). В конце 1893 г. руководитель кружка М. А. Багаев уехал из Иваново-Вознесенска. В руководстве кружком его заменил Н. Н. Кудряшёв, рабочий фабрики товарищества Куваевской мануфактуры, потом железнодорожных мастерских.

В 1894 г. кружок вырос до 30 человек. Кружок окреп идейно, так как установилась связь его с В. И. Лениным через С. П. Шестернина. Последний так рассказывает об этом: «В январе 1894 г. я был назначен городским судьёй в Иваново-Вознесенске. В моём распоряжении был месячный отпуск, который я и решил провести в Питере. Через курсисток... Невзоровых я тотчас познакомился там с выдающимся кружком марксистов, который впоследствии получил историческое название петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Меня, как будущего ивановца, кружок, в частности Владимир Ильич, встретил очень дружелюбно... В результате наших свиданий было установлено, что я буду посредствующим звеном между питерским кружком и ивановцами... Тогда же я получил нелегальную литературу для ивановцев...»

«В течение четырёх лет, проведённых мною в Иванове (с февраля 1894 г. по декабрь 1897 г.), – говорит далее в своих воспоминаниях С. П. Шестернин, – Владимир Ильич и его друзья постоянно и в значительном количестве присылали нам нелегальную литературу, которая через меня поступала в организацию. Помню, что мы тогда получили следующие брошюры: «О стач-

В. И. Ленин. 1890–1891 гг.

ках», «О штрафах» (работа Владимира Ильича), «Речи на 1 Мая 1895 г.», «Царь-голод», «Кто чем живёт» Дикштейна, «Рабочий день», «Десятилетие морозовской стачки» и др... И в дальнейшем, будучи уже в эмиграции, Владимир Ильич продолжал интересоваться жизнью ивановцев...»²¹

Библиотека кружка имела «Капитал» К. Маркса, «Экономическое учение К. Маркса» Каутского, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова (Плеханова).

Таким образом 1894 год имел огромное значение для иваново-вознесенского рабочего кружка. Ранее оторванный от других марксистских организаций, рабочий кружок теперь установил связь с В. И. Лениным и другими петербургскими и московскими социал-демократами.

В 1895 г. В. И. Лениным был организован петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». С созданием последнего меняется деятельность русских марксистов. От сравнительно узкой пропагандистской работы в кружках с отдельными, наиболее передовыми рабочими русская социал-демократия впервые выходит на широкую дорогу массовой агитационной работы.

Впервые в истории русского рабочего движения оно объединяется с социализмом, получает в лице «Союза борьбы» предшественника большевистской партии, своего руководителя.

Вслед за организацией петербургского «Союза борьбы» начинают возникать такие же организации и в других городах. Происходит изменение и в деятельности иваново-вознесенской марксистской организации.

Иваново-вознесенский «Рабочий союз» и «экономисты». 30 апреля 1895 г. кружок отпраздновал маёвку в лесу, как и ранее, около фабрики товарищества Витовой. Собралось около 30 членов кружка. С речью о праздновании 1 Мая выступил возвратившийся осенью 1894 г. с военной службы Ф. А. Кондратьев. На этом собрании был создан иваново-вознесенский «Рабочий союз». Позднее был создан руководящий центр «Рабочего союза». В него входили: М. А. Багаев, О. А. Варенцова, А. А. Евдокимов, Ф. А. Кондратьев, Н. Н. Кудряшёв и Д. А. Масленников. «Союз» руководил работой отдельных кружков, назначал пропагандистов, обсуждал различные организационные вопросы. Прежний устав кружка был заменён новым, озаглавленным: «Практическое обоснование рабочего движения, выработанное согласно с условиями данного момента». Устав обсуждался на собрании «Рабочего союза». Конечная цель «Союза» определялась следующим образом: «1) отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества, 2) выработать способ пользования этим сокровищем».

В уставе далее указывалось: ***«Союз борется с капиталистами путём строго рассчитанных стачек, достигая этим повышения заработной платы и укорачивания рабочего дня и в то же время способствует развитию в рабочем классе солидарности и человеческого***

достоинства» ...Объединённые в достаточно сильную рабочую партию рабочие при первой возможности должны предъявить правительству следующие требования: «1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек без контроля правительственных чиновников. 2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путём стачек. 3. Неприкосновенность... личности рабочего и всякого члена государства. 4. Установление законом восьмичасового рабочего дня... 5. Полнейшая свобода слова и печати. 6. Контроль над фабричными работами. – Когда рабочие добьются исполнения этих требований, то дело объединения пойдёт ещё быстрее, и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братства труда будет возможно без пролития крови».

При обсуждении устава, по рассказу С. П. Шестернина, пункт об изменении существующего строя «без пролития крови» вызвал возражения некоторых членов организации (Багаев, Варенцова), указывавших, что «программа обходит молчанием вопрос о низвержении самодержавия и революционных методах борьбы». ²²

Но Кондратьев и Евдокимов, влияние которых ещё было сильно среди рабочих, отстояли свою редакцию устава. В дальнейшем разногласия внутри «Союза» чувствовались всё более и более остро. Кондратьев и Евдокимов явно тяготели к «экономизму». Впоследствии, после первого же ареста, они отошли от революционной борьбы и скатились на позиции «экономизма».

О. А. Варенцова, М. А. Багаев и многие другие рабочие стали членами искровской организации, в дальнейшем – членами большевистской партии. Классовое чутьё рабочих помогло им найти правильный путь, несмотря на ошибки отдельных руководителей.

В. И. Ленин, говоря о зарождении «экономизма», указывает, что «В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894–1895 годах». ²³

«Экономизм» сказывался и в практической работе Кондратьева и Евдокимова. Они стремились ограничиться кружковой работой и старались обходить революционную политическую борьбу. Но большая часть идейно окрепших членов организации уже не удовлетворялась работой в кружках и требовала перехода к массовой работе – агитации, к политической борьбе. При выработке тем для занятий в кружках они требовали уделять большее внимание политической борьбе, а Кондратьев и Евдокимов ставили во главу угла вопросы экономические, всячески обходя политические.

В спорах и борьбе с Кондратьевым и Евдокимовым О. А. Варенцова всегда находила поддержку среди рабочих – членов «Союза» и обычно одерживала верх. Благодаря её настояниям, в программу кружковых занятий систематически включались политические темы.

Иваново-вознесенский «Рабочий союз» поддерживал связи с петербургской и московской марксистскими организациями, получая от них руководящие указания и литературу.

В библиотеке «Союза» теперь наряду с книгами Маркса, Энгельса, Плеханова появились ленинские работы: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Объяснение закона о штрафах» и ряд изданий «Союза борьбы», «Речи рабочих на 1 Мая», «Речь рабочего Петра Алексеева» и др.

Ещё в 1894 г. удалось открыть книжную лавку, которая торговала легальной литературой, но через неё же распространялись тайком и подпольные издания.²⁴

Зимой 1894/95 г. О. А. Варенцова организовала первый в Иваново-Вознесенске кружок женщин-работниц.

Столкновение между руководителями «экономистами» и другими членами организации вслед за вопросом о программе произошло в

1895 г. по вопросу об участии организации в проведении стачки на фабрике Товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры, или «Компания», как называли её рабочие.

Стачка 1895 г. Стачка 1895 года на фабрике «Компания» была началом подъёма рабочего движения после некоторого затишья в первой половине 90-х гг. Описание этой стачки дано в статье, опубликованной в сборнике «Союза русских социал-демократов» «Работник»²⁵ (1896 г. № 1–2), написанной С. П. Шестерниным и просмотренной иваново-вознесенским кружком. Статья была отредактирована и опубликована В. И. Лениным.²⁶ В статье говорилось, что «ткачи фабрики Иваново-Вознесенской мануфактуры... в числе более 2000 человек отказались работать за такое вознаграждение, которого не хватает даже на полугодное существование».

С 1 октября на фабрике вводились новые расценки, которые на 20–25% понижали заработную плату ткачей, при этом рабочие не были даже предупреждены об этом за две недели, как полагалось по правилам: объявление о новых расценках было вывешено только 28 сентября. Рабочие заявили заведующему фабрикой, хозяевам и местному фабричному инспектору, что работать на новых условиях они несогласны. Хозяева отказались изменить условия, и рабочие 4 октября забастовали. 5 октября приехал из Владимира старший фабричный инспектор и жандармы. На совещании старшего фабричного инспектора, фабрикантов и жандармов ярко проявилась предательская роль фабричной инспекции – как верного слуги царизма. Когда

М. А. Багаев.

большинство фабрикантов высказалось за прекращение стачки путём повышения расценок, старший фабричный инспектор заявил, что это значит «давать повадку», что через это теряется «престиж власти». К такому мнению присоединились официальные представители власти. Решено было не уступать рабочим. В свою очередь и рабочие на уговоры фабричного инспектора твёрдо заявили, что не уступят фабрикантам.

Как только началась стачка, созвано было собрание актива иваново-вознесенского «Рабочего союза» для обсуждения вопроса об участии «Союза» в проведении стачки. «Экономисты» были против этого участия. Выступившая против них О. А. Варенцова горячо поддержала «политиков», и благодаря этому некоторые члены организации, в их числе Багаев и Махов, приняли участие в руководстве стачкой.

Рабочие ежедневно сходились большими и малыми группами на улицах, площадях и квартирах и обсуждали создавшееся положение. Весь город дышал борьбой, все были взволнованы стачкой.

Члены «Рабочего союза» Махов и Багаев впервые выступили открыто перед двухтысячной толпой стачечников с речами. Они призывали рабочих к организованной борьбе с классовым врагом – буржуазией, говоря, что **только сами рабочие могут добиться своей борьбой улучшения своего положения**; рабочие не должны надеяться на начальство и «царя-батюшку», в доказательство агитаторы указывали на стачку в Ярославле, во время которой было расстреляно до 15 человек безоружных рабочих, а царь благодарил «молодцов-фанагорийцев (в Ярославле стоял Фанагорийский полк) за умелое и своевременное применение оружия»...

8 октября в Иваново-Вознесенск из Владимира приехал губернатор.

На следующий день к губернатору явилось около 25 делегатов рабочих, в их числе несколько женщин. Делегаты предъявили требование о повышении расценок и увольнении директора. Губернатор заявил, что рабочие должны «встать на работу, если же рабочие будут упорствовать, то все получат принудительный расчёт, который будет послан через полицию в волостные правления». Выборные заявили, что «соглашаться на предложенные условия им невозможно».

Выборных поддержали все рабочие. С этого времени в отношении к стачечникам произошёл перелом. Если раньше стачечники могли свободно собираться на сходки и против них не принималось никаких насильственных мер, то теперь власти к бастующим решили применить силу.

В ночь с 10 на 11 октября шестеро рабочих из числа бывших в делегации у губернатора, выделившиеся своей активностью, были арестованы. Этот арест глубоко возмутил рабочих. И вот 12 октября большая группа рабочих направилась к губернаторской квартире и потребовала выдачи арестованных. Губернатор ответил бранью и отдал приказание казакам разогнать рабочих. На рабочих обрушились казацкие нагайки. При этой дикой расправе пострадало немало лиц, вовсе не причастных к стачке. Во время казацкой

расправы с бастующими рабочие с фабрик Дербенёва, Гарелина и Бурылина проходили мимо со смены. Удары казацких нагаек посыпались и на них. В толпе был смят казаками 60-летний старик, учитель ремесленного училища. После расправы рабочие стали собираться только по квартирам.

Петербургский «Союз борьбы» и московский «Рабочий союз» оказали стачникам денежную помощь, которая имела большое моральное значение.

Голод заставил рабочих прекратить стачку. Один за другим рабочие потянулись на фабрику, и 19 октября стачка прекратилась. Уже по окончании стачки был уволен директор фабрики и несколько повышены расценки.²⁷

Стачка на фабрике «Компания» способствовала поднятию классового сознания рабочих, готовя их к дальнейшим выступлениям, и положила начало влиянию на рабочих революционной организации.

«Рабочий союз» после стачки принял более чёткую организационную форму.

Иваново-вознесенский «Рабочий союз» в 1896–1897 гг. Однако жандармы уже выследили организацию: в январе и летом 1896 г. они произвели обыски и аресты членов «Союза». Сначала арестовали Багаева, а затем Евдокимова, Кондратьева и других. К ответственности было привлечено 18 человек. В обвинении говорилось о тайных рабочих кружках, которые «наряду с задачами самообразования преследовали также цель социал-демократической пропаганды среди местных фабричных рабочих». Дело закончилось 7 августа 1896 г. «высочайшим», т. е. царским, повелением, по которому первые руководители иваново-вознесенской революционной организации подвергались заключению в тюрьме от шести месяцев и полицейскому надзору до трёх лет. Кондратьев и Евдокимов после тюремного заключения были высланы под полицейский надзор в Харьков, Багаев – в Оренбургскую губернию.

Материалы, отобранные у членов «Союза» при арестах, показывают, какие вопросы интересовали членов организации. На собраниях «Союза» обсуждались: теория прибавочной стоимости, борьба за 8-часовой рабочий день, пропаганда в условиях России, возможно ли мирное разрешение рабочего вопроса и т. п. В одном из воззваний (1896 г.) говорилось: «Рабочие должны уничтожить ненавистный капиталистический порядок – это царство паразитных сословий, царство грабителей, прикрывающихся маской собственности... Да здравствует социальная революция! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. Для того, чтобы составить деятельную силу, ты должен организовать, выработать в себе классовое самосознание и начать классовую борьбу против своих угнетателей..» В статье «Задачи социализма на русской почве», служившей, очевидно, темой занятий на собраниях организации, между прочим, говорилось: «...остаётся только одно – отнять фабрики и заводы у теперешних владельцев и взять их в своё владение... Рабочие явятся в роли руководителей освободительных движений русского народа... Идеальная задача этих движений сводится к экспроприации земли и капитала...» В заметке под заголовком «Карл Маркс и русский рабочий»

говорилось о необходимости организовать в России рабочее движение для скорейшего осуществления общественного переворота в духе социализма.

В одной из заметок перечислялись следующие основные задачи движения: «а) соединиться с рабочими других стран; б) отнять у правительства власть и передать её в руки достойных и способных, в) отнять у буржуазии фабрики, заводы, капиталы, земли, леса и т. п. и объявить всё это собственностью народа...»²⁸

После арестов 1896 г. наиболее развитые рабочие из рядовых членов организации – Бутин, Грачёв, Шаров и Яшин, при участии О. А. Варенцовой, энергично взялись за её восстановление. Появились и новые

силы, из которых необходимо отметить А. И. Хрящеву, учившуюся ранее в Москве на акушерских курсах и поплатившуюся тюремным заключением по народовольческому делу.

Она приехала в Иваново-Вознесенск в январе 1897 г., поступила ткачихой на фабрику и, став марксисткой, внесла большое оживление в работу организации.

Организация сделала в это время важный шаг – попытку перенести центр тяжести работы на фабрики. О. А. Варенцова, А. И. Хрящева, Кулдин и Отроков в апреле 1897 г. составили проект «внутреннего распорядка организации». По этому проекту партийная работа в основном переносилась на фабрики и заводы. Все члены организации разбились на отдельные партийные ячейки по фабрикам; ячейки организовывались на каждой фабрике, где имелось не менее трёх членов. При меньшем количестве членов ячейки составлялись из членов с разных фабрик. Каждая фабричная ячейка выбирала своего «выборного». Собрание «выборных» руководило всей работой организации. В конце апреля 1897 г. собрание актива организации, на котором присутствовало 18 человек, приняло проект «внутреннего распорядка организации».

На «маёвке» на традиционном месте в лесу за Витовской фабрикой («Красная Талка») 4 мая 1897 г., на которой присутствовало 46 человек, члены организации были разбиты на 12 ячеек.

Вскоре после реорганизации – в июне 1897 г. – иваново-вознесенский «Рабочий союз» подвергся вновь жандармскому нападению: были произве-

О. А. Варенцова.

дены обыски и арестован актив организации, в том числе О. А. Варенцова. Среди 18 арестованных было 14 рабочих. По «высочайшему повелению» 7 января 1898 г. всех их заключили в тюрьму, а затем выслали и отдали под надзор полиции.

Но организация опять быстро оправилась. 30 ноября 1897 г. собрание представителей рабочих фабрик снова разбило всех членов на ячейки по фабрикам и избрало «выборных» от фабрик Полушина, Гандурина, Дербенёва, Иваново-Вознесенской мануфактуры и Ямановского. В конце 1897 г. и начале 1898 г. члены «Союза» приняли участие в одной из самых крупных стачек иваново-вознесенских рабочих.

Стачка 1897–1898 гг. Стачка 1897–1898 гг. имела исключительное значение в развитии массового рабочего движения в Иваново-Вознесенске: от предшествующих стачек она отличалась количеством охваченных ею рабочих и продолжительностью. Это была по сути первая всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске, в которой приняли участие и рабочие ситцепечатных фабрик.

Стачка вызвана была следующим обстоятельством: после издания закона 2 июня 1897 г., устанавливавшего рабочий день в 11½ часов, фабриканты пытались компенсировать сокращение рабочего дня уменьшением праздничных дней с 88 до 66 в год. В ответ на это с 22 декабря 1897 г., начиная с фабрики товарищества И. Гарелина, рабочие двенадцати фабрик последовательно прекратили работы и забастовали. Стачка охватила более 14 000 человек.

Рабочие требовали у фабрикантов восстановления исключённых праздничных дней, а в дальнейших выступлениях предъявили требования: окончание работ перед праздниками в шесть часов вечера, освобождение рожениц на один месяц от работы с уплатой за это время по восьми рублей из штрафного капитала, контроль рабочих над расходованием штрафного капитала и др.

27 декабря владимирский губернатор направил в Иваново-Вознесенск два батальона пехоты и сотню казаков, 28 декабря – вторую сотню.

Рабочие собирались открыто на площадях, где выступали члены «Союза», руководя забастовкой, разъясняя требования. Стачка продолжалась больше двух недель и протекала настолько организованно, что рабочие одержали полную победу: они принялись за работу лишь 13 января 1898 г., когда фабриканты сделали уступки их требованиям о праздниках.²⁹

Организованность стачки произвела сильное впечатление на полицию. Департамент полиции 4 февраля 1898 г. об этой стачке в министерство финансов писал: «Окончившаяся забастовка, по полученным в департаменте указаниям, должна быть отнесена к разряду наиболее серьёзных. Не говоря уже о её продолжительности и распространении на значительное число фабрик почти с 14 тысячами рабочих, обращает на себя внимание и то ещё, что в настоящем случае забастовка носила характер образцовой сплочён-

ности и организации. На это указывают необычайное упорство забастовавших рабочих, сдержанное в общем их поведение, отсутствие особых побудительных причин к неудовольствиям, безусловное прекращение работ на тех фабриках, где всё осталось по-старому, и образцовая дисциплина среди забастовавших».

С руководителями стачки царское правительство жестоко расправилось. Во время стачки арестовали и привлекли к ответственности 40 рабочих. По постановлению правительства 2 апреля 1898 г. 37 человек подверглись высылке или отданы под надзор полиции, в их числе была и часть членов иваново-вознесенского «Союза».

Во время стачки установилась связь «Союза» с московским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», который, кроме денежной помощи, прислал в Иваново-Вознесенск студента Щербакова собрать сведения о стачке для предполагавшейся к изданию брошюры; была прислана также нелегальная литература.

Происшедшие в связи со стачкой аресты не только не сломили организацию, но внесли в её ряды новый подъём энергии. Руководящую роль в организации занял её юный член П. А. Курочкин, который быстро наладил работу.

Празднование 1 Мая в 1898 г. во избежание налёта жандармов «Союз» организовал в нескольких местах и в разное время. Часть членов организации собралась в лесу у железной дороги близ дачи Гарелина. В этом собрании принимал участие Ф. А. Афанасьев («Отец»). Это был один из старейших деятелей русского рабочего движения, участник первых социал-демократических кружков и первых маёвок в Петербурге. Его речь на маёвке 1891 г. неоднократно перепечатывалась в России и за границей. В Иваново-Вознесенск он приехал в 1897 г. после отбытия тюремного заключения и ссылки за участие в социал-демократическом кружке Бруснева.

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. 14 июня 1898 г. в лесу, по дороге в с. Тейково, состоялось собрание всего актива организации. На собрании Курочкин зачитал только что полученный «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», принятый на I съезде РСДРП в Минске в марте этого года. По предложению М. А. Багаева собрание постановило организовать Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. В конце собрания были произведены выборы комитета РСДРП. Материальные ресурсы организации в это время состояли из 208 руб. на приходе и 199 руб. на расходе, с остатком на 14 июня девяти рублей.³⁰

Вновь созданному Иваново-Вознесенскому комитету РСДРП жандармерия вскоре нанесла серьёзный удар: 20 августа 1898 г. было арестовано 35 членов организации.

«Экономисты» в Иваново-Вознесенской организации. Второй период в развитии русской социал-демократии (1894–1898 гг.) В. И. Ленин называл «периодом детства и отрочества». Марксизм в эти годы овладел умами

передовой части русской интеллигенции и рабочих. Социал-демократия появляется на свет как общественное движение, как зародыш политической партии. Происходят многочисленные стачки рабочих, отличавшиеся от прежних своей массовостью и относительной организованностью. Под руководством В. И. Ленина были разгромлены народники, развенчаны их теории и метод индивидуального террора, столь обаятельный для части тогдашней интеллигенции.

«Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы».³¹

Но в то же время среди марксистской молодёжи возникли и совершенно неправильные течения, извращающие марксизм, – «экономизм» и легальный марксизм.

«Экономизм» среди части русских марксистов вырос после ареста в декабре 1895 г. В. И. Ленина и других «стариков» – руководителей петербургского «Союза борьбы».

Новые руководители его «экономисты», воспитанные главным образом на легальной марксистской литературе, **считали основной задачей рабочего класса экономическую борьбу против капиталистов, отказываясь от политической борьбы**, которую, по их мнению, должна была вести буржуазия.

Начинался третий период в истории социал-демократии – «период разброда, распада, шатания».³²

Организационная разобщённость и попытки внедрения «экономизма», элементы которого и ранее имели место в Иваново-Вознесенской организации, характерны для жизни организации этого времени.

После арестов 1898 г. Иваново-Вознесенский комитет для большей конспирации работы ввёл такое построение организации, при котором «только представители кружков знали лично друг друга и то лишь в своём районе». Это создавало настолько сильный организационный разброд, что возникли группы вне сферы влияния руководящего центра, а в 1899 г. в Иваново-Вознесенске появилось даже два параллельных партийных комитета: «...один Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, организованный летом 1898 г. по получении «Манифеста РСДРП», и другой – под наименованием «Комитета социал-демократического союза рабочих Русского Манчестера».³³

Среди членов Иваново-Вознесенской организации распространялась литература «экономистов» – «Рабочая мысль» и «Рабочее дело». По воспоминаниям С. И. Балашова, «из газет присылалась «Рабочая мысль», ... один номер газеты обходил всех членов кружка и хранился, как зеница ока, для дальнейшего ведения агитации среди рабочих».³⁴

Влияние идей «экономизма» шло и от бывших руководителей Иваново-Вознесенской организации – Кондратьева и Евдокимова, живших в ссылке в Харькове, но продолжавших держать живую связь с ивановцами. Они окончательно отошли от революционного движения, сделались чистыми «эко-

номистами», отвергая политическую борьбу и считая, что рабочая масса ещё не созрела до неё.

В результате влияния «экономизма» выпущенные Иваново-Вознесенской организацией впер-вые в апреле 1899 г. гектографиро-ванные прокламации носили печать «экономизма».³⁵

Весьма показателен следующий характерный факт: мандат на Между-народный конгресс, происходивший в сентябре 1900 г. в Париже, Ивано-во-Вознесенская организация пере-дала редакции «Рабочего дела».

Освобождение Иваново-Воз-несенской организации от влияния «экономистов» совершилось благо-даря работе представителей «Ис-кры» и «Северного рабочего союза».

Г. И. Окулова.

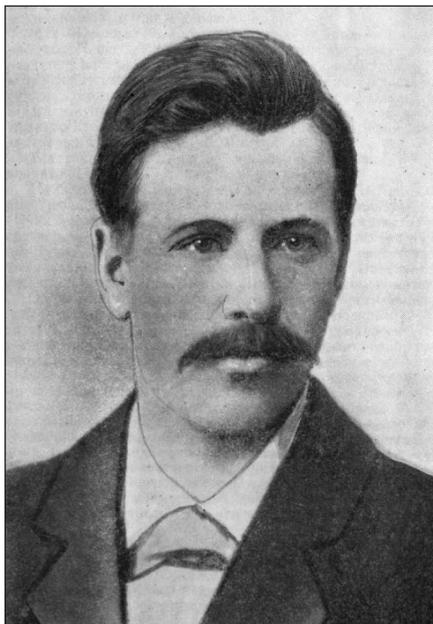
Представители «Искры» в Иваново-Вознесенске и их борьба с «эко-номистами». За ликвидацию кустарничества и кружковщины, за создание единой партии энергично взялся вернувшийся из сибирской ссылки В. И. Ленин. Начать построение политической партии рабочего класса нужно, считал В. И. Ленин, с создания общерусской боевой политической газеты. Под его руководством возникла «Искра», направившая свои удары против главных противников создания единой рабочей партии – «экономистов».

Осенью 1900 г. представители «Искры» послали в Иваново-Вознесенск курсистку Г. И. Окулову, происходившую из семьи, близко знакомой с В. И. Лениным, под влиянием которого Г. И. Окулова стала революционной марксисткой. В начале 1901 г. Окуловой из революционных рабочих удалось организовать новый Иваново-Вознесенский комитет. Началась подготовка к широкой агитации среди рабочих путём распространения прокламаций и листовок.

В двадцатых числах марта 1901 г., по сообщению «Искры» (№ 4, май 1901 г.), в Иваново-Вознесенске распространялся «Листок местного коми-тета партии по поводу волнений на фабрике Бакулина». Волнение происхо-дило 18 января. Поводом к нему послужило «частое задержание заработка, понижение расценок, вызванное введением новых сортов тканей, грубое обращение и частые штрафы». В корреспонденции отмечалось выступление во время волнений фабричного инспектора Капицы, как «рьяного лакея ка-питала». Всё же в результате волнений «удовлетворили часть рабочих тре-бований» («Искра» № 3, апрель 1901 г.).

«Окуловой пришлось встретиться, – говорит М. А. Багаев. – с резким противодействием «стариков»* (Кулдин, Грачёв и др.), которые всё ещё считали открытую агитацию несвоевременной и ведущей лишь к неизбежным провалам, без пользы для дела. Они рекомендовали Окуловой ограничиться пока кружковой работой для создания сильного рабочего ядра. Но так как большинство организации и весь состав комитета были за агитацию, то противодействие «стариков» успеха не имело».³⁶

В Иваново-Вознесенск неоднократно приезжал один из крупных деятелей революционного движения – рабочий-искровец, ученик и соратник В. И. Ленина – И. В. Бабушкин, направленный в центральный текстильный район в конце 1900 г.

И. В. Бабушкин.

В. И. Лениным в качестве агента «Искры». Деятельность И. В. Бабушкина имела большое значение в установлении связи между «Искрой» и рабочими центрального промышленного района, в частности Иваново-Вознесенска.

В. И. Ленин писал об И. В. Бабушкине: «Пока Иван Васильевич остаётся на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим её сторонником».³⁷

Начиная с № 3, в апреле 1901 г. в «Искре» помещён был ряд корреспонденций из Иваново-Вознесенска, рисующих невероятно тяжёлые условия труда иваново-вознесенских рабочих. Иваново-вознесенские рабочие любили «Искру». В № 5 «Искры» (июнь 1901 г.) сообщалось из Иваново-Вознесенска: «Газета «Искра» распространяется и нравится рабочим, почему наша касса решила четверть своих доходов отдавать на «Искру». В «Искре» иваново-вознесенские рабочие находили защиту не только от своих непосредственных эксплуататоров, но и от либеральных клеветников.

В журнале «Русское богатство» за декабрь 1900 г. появилась статья Дадонова под заглавием «Русский Манчестер». Автор, «жалая» иваново-вознесенских рабочих, обвинял их в пьянстве, в равнодушии к знанию, в от-

* Под «стариками» М. А. Багаев подразумевает «экономистов».

сутствии всяких духовных запросов и стремлений. По указанию В. И. Ленина И. В. Бабушкин написал достойную отповедь на эту клеветническую статью под заглавием «В защиту иваново-вознесенских рабочих». Статья вышла особым приложением к № 9 «Искры» за 1901 г. Отвечая Дадонову и разоблачая его клеветническую характеристику иваново-вознесенских рабочих, И. В. Бабушкин дал правдивую картину их жизни.

В статье показано, как в тяжёлых материальных условиях, работая по 11–12 часов на фабрике, иваново-вознесенские рабочие жадно тянулись к знанию и культуре, которых их упорно лишали и правительство и капиталисты. В статье говорится о рабочих библиотеках и кооперативном движении в городе, а также о революционной пропаганде Иваново вознесенцев в армии и деревне.

«Из Иваново-Вознесенска, – пишет автор, – высылают рабочих. И всё же в Иваново-Вознесенске остаются ещё развитые рабочие, хотя сюда никаких неблагонадёжных не пускают. Выходит даже некоторая аналогия (сходство) с университетом: как университет выпускает и высылает часть «света и культуры» в разные уголки России, так точно и Иваново-Вознесенск рассылает со своими рабочими «свет культуры» во все концы России».³⁸

Так закреплялось среди иваново-вознесенских рабочих влияние «Искры».

Но борьба с «экономистами» продолжалась. В № 5 «Искры» (июнь 1901 г.) из Иваново-Вознесенска сообщалось, что 1 Мая партийная организация предполагала распространить среди рабочих прокламации, но доставленные листки оказались узко-экономического характера, причём приготовлены были для Иваново-Вознесенска за подписью Иваново-Вознесенской организации. Листки были уничтожены комитетом.

Об усиливающемся влиянии партийной организации на рабочую массу говорила корреспонденция «Искры» (в № 6 за 1901 г.). «Из Иваново-Вознесенска, – говорилось в корреспонденции, – сообщают о целом ряде мелких фабричных протестов, которые показывают, что обострение нужды, вызванное кризисом, и ведущаяся местными социал-демократами агитация не проходит бесследно...» Далее сообщались факты рабочих выступлений. На ткацкой фабрике Зубкова весной рабочие, уволенные «за беспокойный нрав», «добились от фабрики уплаты за две недели, как это определяется законом». На фабрике Дмитрия Бурылина рабочие в мае «отбили попытку фабриканта отнять у них праздник». На фабрике А. И. Гарелина 4 июня все рабочие отправились «к фабричному инспектору и предъявили ему требование об удалении надоевшего им табельщика, что и было в конце концов исполнено».

В мае 1901 года вследствие понижения расценок возникла стачка на чугунолитейном заводе Калашникова. Стачка продолжалась полторы недели и кончилась частичной уступкой заводчика – повышением расценок до зимней нормы. Эта стачка проходила при активном участии партийной организации. Когда завод во время стачки сдал часть неотложных заказов в Шую, «ра-

бочие завода Калашникова обратились к Иваново-Вознесенскому комитету социал-демократической партии с просьбой о воздействии на шуйских рабочих. Комитетом были выпущены прокламации к рабочим... Прокламации вызвали забастовку, и рабочие потребовали, чтобы от Калашникова заказы не принимались...»

Местный жандармский ротмистр в апреле–мае 1901 г. произвёл массовые обыски у заподозренных рабочих. Окулова во избежание ареста вынуждена была в мае уехать из Иваново-Вознесенска. На место Окуловой вновь возникший «Северный рабочий союз», проводивший идеи «Искры», прислал другого работника.

Возникновение «Северного рабочего союза» и укрепление влияния «Искры». В начале 1900-х гг. у старых партийных работников Иваново-Вознесенской организации О. А. Варенцовой, М. А. Багаева и В. А. Носкова вместе с некоторыми московскими работниками (А. И. Любимов и Л. Я. Карпов), находившимися в ссылке в Воронеже, возникла мысль о создании областной партийной организации. Летом 1900 г. эти товарищи образовали инициативную группу по созданию «Северного рабочего союза» – областной организации искровского направления для революционной работы в пределах бывших губерний Владимирской с г. Иваново-Вознесенском, Ярославской и Костромской.

О. А. Варенцова так определяет причины возникновения Союза: «Образование «Северного рабочего союза»... следует рассматривать, как попытку ликвидировать процветавшее на промышленном севере организационное кустарничество, мешавшее организации развернуть свои силы и распространить партийную работу на незатронутые ещё движением промышленные пункты, направляя туда товарищей для постановки организации. Но особенно увлекала инициаторов задача создать на севере опору революционного крыла социал-демократии для искровского течения, для борьбы с антиреволюционными тенденциями в нашей партии – «экономизмом», рабочеделельчеством. Этой последней задаче они придавали громадное значение...»³⁹

«Северный союз» с момента своего возникновения был тесно связан с организацией «Искры», поддерживая организационный план Ленина, был искровской организацией.

В июне 1901 г. «Северный рабочий союз» направил для работы в Иваново-Вознесенск яркого искровца, бывшего петербургского рабочего Н. Н. Панина («Гаврил Петрович»), только что отбывшего вместе с В. И. Лениным трёхлетнюю ссылку в Енисейской губернии. В ссылке Панин подписал «Протест 17 ссыльных социал-демократов» против оппортунистического «Credo» Кусковой.

Панин энергично продолжал дело, начатое Окуловой и И. В. Бабушкиным, – пропаганду в Иваново-Вознесенске идей «Искры».

Иваново-Вознесенский комитет был обновлён; в его состав вошёл и Н. Н. Панин. Члены партийной организации – рабочие каждой фабрики –

составляли фабрично-заводское собрание, которое избирало коллектив из казначея, библиотекаря и уполномоченного, имевшего связь с комитетом. Фабрично-заводской коллектив руководил работой на фабрике, а собрание уполномоченных объединяло фабрики под руководством комитета. Таким образом комитет через собрание уполномоченных и фабрично-заводские коллективы был связан с массами.

Хорошо снабжалась в это время Иваново-Вознесенская организация «Искрой» и искровскими изданиями, вытеснившими из Иваново-Вознесенска оппортунистическую литературу «Рабочей мысли» и «Рабочего дела».

В августе 1901 г. «Северный рабочий союз» с целью объединения работы и установления взаимоотношений Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской и Владимирской организаций провёл совещание в Кинешме. На этом совещании Иваново-Вознесенскую организацию представлял Панин. Из доклада Панина было видно, что Иваново-Вознесенская организация сильнее и более тесно связана с рабочей массой, чем другие представленные на совещании организации. Панин на совещании предложил открыто признать «Искру» руководящим органом партии.

Партийная организация принимала активное участие в рабочем движении. В № 10 «Искра» (ноябрь 1901 г.) поместила корреспонденцию из Иваново-Вознесенска «Фабричные порядки. Социал-демократическая агитация». В корреспонденции сообщалось: «С 1 октября расценки на ивановских фабриках, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тем, что кризис создал массу безработных. Местный комитет партии выпустил три прокламации: одну по поводу сбавки расценок, другую – специально к рабочим ситценабивных фабрик и третью – политическую. Рабочие ситценабивных фабрик приглашаются требовать девятичасового рабочего дня (вместо 11) по образцу ткацких и прядильных. Общая прокламация выставляет требования сокращения рабочего времени, восстановления летних расценок, отчётности в расходовании штрафного капитала».

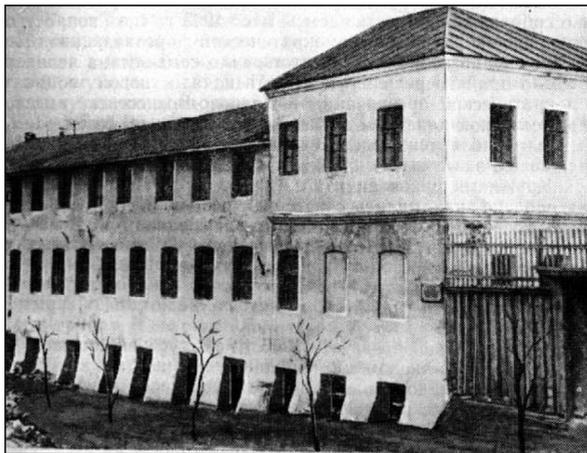
1–5 января 1902 г. в Воронеже состоялся съезд «Северного рабочего союза», на котором союз получил окончательное оформление. Была принята программа союза, отправленная немедленно после съезда в редакцию «Искры» для просмотра. В. И. Ленин разобрал её подробно пункт за пунктом, отметив все недочёты.⁴⁰

Союз образовался как социал-демократическая организация для руководства рабочим движением во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Он вошёл, как комитет, в состав РСДРП. Делегатом от Иваново-Вознесенского комитета на Воронежском съезде был Панин, вошедший в Центральный Комитет и назначенный представителем в Иваново-Вознесенский район.

После съезда Панин с ещё большей энергией продолжал работу в Иваново-Вознесенске. Но жандармы готовили и нанесли новый удар не только Иваново-Вознесенской организации, но всему «Северному союзу».

С января 1902 г. в Иваново-Вознесенске начались обыски и аресты. Полиция арестовала не только членов комитета, но и представителей фабрично-заводских групп или уполномоченных. Н. Н. Панин был арестован 28 февраля 1902 г. К дознанию правительство привлекло 44 человека; 19 марта 1903 г. большинство арестованных выслали в Вологодскую, Вятскую и Архангельскую губернии.

Иваново-Вознесенская организация после арестов не распалась. Жандармский ротмистр в одном из своих сообщений так характеризовал деятельность Иваново-Вознесенской организации этого времени: «Выяснилось, что с весны 1902 г. в г. Иваново-Вознесенске образовалось несколько кружков, точная цифра которых ещё не установлена. Несколько отдельных кружков выде-

«Штаб-квартира» марксистских организаций в 1895–1902 гг. (ул. Багаева, д. 7).

лили из себя одного выборного. Таких выборных в Иваново-Вознесенске было шесть человек. Общее собрание выборных носит название «комитета». Один из выборных, пользующийся наибольшим доверием, назывался «правой рукой» и входил в сношения с «Невидимкой». «Невидимка» заведовал несколькими фабричными районами и в Иваново-Вознесенске бывал только наездами... С наступлением тёплого времени стали устраивать сходки в окрестностях города. На сходках читалась, разъяснялась и раздавалась нелегальная литература и обсуждались меры к устройству стачек и забастовок. Здесь же на собраниях собирались со всех вновь поступающих членские взносы в общую кассу. Дознанием выяснены следующие сходки: 26 мая у д. Глинищево руководили сходкой и говорили речи В. Ф. Кузнецов и М. А. Красильников; 2 июня на квартире у В. Белова сходкой руководили Белов и Мулов; 8 июня вблизи конной площади и 9 июня в лесу руководил сходкой и раздавал нелегальную литературу пока не установленный дознанием какой-то приезжий интеллигент в синих очках. 9 и 20 августа вблизи д. Поповской Мулов, руководивший сходкой, был избран «выборным». 26 августа вблизи железнодорожной водокачки сходкой руководит тот же Мулов. 1 октября сходка под руководством Мулова проходила в трактире Мясникова и посвящена была исключительно вопросу о найме конспиративной квартиры ввиду наступающих холодов. 27 октября сходка проходила у рабочего Потехина...⁴¹

В октябре, ноябре и декабре 1902 г. произведены были новые обыски и аресты. Хотя жизнь организации и после этого не остановилась, но на внутреннем состоянии её аресты отозвались тяжело.

Борьба с «экономистами» и их разгром. Оправившийся от разгрома «Северный рабочий союз» в конце мая 1903 г. направил в Иваново-Вознесенск «профессионала» Г. Л. Бутягина («Юрик»), который привлёк в Иваново-Вознесенск ещё одного «профессионала» А. Н. Андреева («Степан»). Искровцы Бутягин и Андреев повели в доме у А. С. Киселёва работу с большой энергией, стараясь сломить поднявших голову «экономистов».

Тов. Самойлов Ф. Н. в своих воспоминаниях рассказывает о собрании, происходившем в мае 1903 г. «по вопросу о восстановлении социал-демократической организации». По его словам, на собрании присутствовало семь-восемь человек и «было принято решение положить начало новой социал-демократической организации в Иваново-Вознесенске вместо разгромленной властями за несколько месяцев перед этим. Выбрали библиотекаря, секретаря, кассира и решили начать кружковые занятия...

...Кружками руководили тт. «Юрик» и «Степан». В кружках рабочие знакомились с историей революционного движения в России и с началами политической экономии. Посещались собрания кружков очень аккуратно. День занятий для всех нас был как бы праздником, а самые занятия были настолько интересными, что ни у кого не возникало и мысли пропустить хотя бы одно собрание без уважительной причины...»⁴²

Приблизительно в августе 1903 г., по требованию членов своего кружка, «экономист» Кулдин, явившись на квартиру к Андрееву, предложил ему принять под своё руководство и его кружок. Все рабочие, кроме самого Кулдина, отошедшего от движения, влились в общую организацию.

«Экономисты» в Иваново-Вознесенске, как и во всей партии, были разгромлены окончательно. В разгроме «экономистов» громадную роль сыграла знаменитая книга Ленина «**Что делать?**», изданная в марте 1902 г.

В ней В. И. Ленин не только идейно разгромил русских «экономистов», но и нанёс сокрушительный удар по международному оппортунизму. В книге был развёрнут план создания боевой революционной марксистской партии в России, принципиально отличавшейся от реформистских партий второго Интернационала.

Отвечая в конце книги на поставленный им вопрос «Что делать?», Ленин пишет: «Ликвидировать третий период», – «период разброда, распада, шатания»⁴³ в рядах русской социал-демократии и создать боевую организацию революционеров.

Книга Ленина и работа «Искры» подготовили созыв II съезда РСДРП, который стал поворотным пунктом в истории русского и международного рабочего движения. На нём была создана марксистская партия нового типа, принята революционная программа, в которой выдвигалась **основная задача – борьба за диктатуру пролетариата.** На съезде был принят Устав партии.

Борьба Ленина и ленинцев на съезде с оппортунистами по программным и организационным вопросам привела к возникновению большевизма, объединившего революционную часть РСДРП, и меньшевизма, объединившего оппортунистическую часть партии.

Иваново-Вознесенская организация сразу же после съезда примкнула к большевикам и на протяжении всего своего существования была верна принципам великого Ленина, являлась опорой большевизма в центральном промышленном районе.

Иваново-Вознесенская группа «Северного комитета» и утверждение большевистского руководства. По решению II съезда РСДРП в июле-августе 1903 г. «Северный рабочий союз», примкнувший на съезде к большинству, был преобразован в «Северный комитет», а Иваново-Вознесенский комитет в группу «Северного комитета». Бутягин и Андреев вошли в состав «Северного комитета».

Первый «Северный комитет» (как и последующие) состоял исключительно из большевиков. Представители «Комитета» на местах, в том числе и представители в Иваново-Вознесенске Бутягин Г., Андреев А., позднее Модестов, были тоже большевики.

Работа в Иваново-Вознесенске принимала широкий размах. Количество членов организации росло. Когда Андреев и Бутягин, собираясь уезжать, в середине сентября 1903 г. устроили в лесу за рекой Талкой первое общее собрание всех членов, то на него явилось до ста человек.

Нелегальная литература распространялась в большом количестве. Из одной записки, взятой полицией при обыске у Андреева, видно, что 30 октября привезено 359 экземпляров, 4 ноября – 536 экземпляров из 36 различных названий, 5 ноября – 500, 8 ноября – 650 экземпляров. При обыске и аресте Андреева в ночь на 10 ноября 1903 г. было отобрано: 142 экземпляра № 1 «Листка Северного комитета», №№ 9 и 10 газеты «Искра», 41 экземпляр № 43 «Искры», 74 брошюры (выпущенные с.-д. партией), «Письма третьего к другу и недругу», «К деревенской бедноте», «Секретный циркуляр», «Объяснение закона о штрафах», «Воззвание Северного комитета к рабочим», «Проект программы РСДРП» – всего 296 экземпляров нелегальных изданий.⁴⁴

О структуре организации Ф. Н. Самойлов в своих воспоминаниях рассказывает: «Город разделялся на несколько районов. Во главе организации стояла группа «Северного комитета» Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Назначаемые ею и подчиненные ей непосредственно районные организаторы ведали районами. Кроме того, были фабричные и заводские организаторы, которые избирались заводскими ячейками. Собрание районных организаторов фабрично-заводских ячеек выделяло из своей среды представителя в городской центр – группу «Северного комитета», через которого последний и был связан с периферией.

Финансы организации складывались из членских взносов. Каждый член

партии обязан был вносить два процента заработка в кассу организации. Из всей поступившей суммы членских взносов отчислялось, кажется, десять процентов в кассу «Северного комитета»... Листовки долгое время печатались на гектографе...».⁴⁵

К концу 1903 г. руководство партийной работой в Иваново-Вознесенске полностью находилось в руках большевиков.

В декабре 1903 г. полиция арестовала десять человек.

Жандармы начали дело «Об Иваново-Вознесенской группе РСДРП». Последствия этого ареста не были такими тяжёлыми, как раньше, организация имела уже много опытных товарищей из местных рабочих, способных руководить работой. Деятельность партийной организации продолжалась, принимая всё более широкий размах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Н. Воробьёв. Из жизни иваново-вознесенских рабочих. «Образование» № 3, 1906, стр. 23.
- 2 Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. X, Шуйский уезд. Вып. III, Владимир. 1908. Эти материалы, обработанные Н. И. Воробьёвым, приведены в его же работе «Стачка иваново-вознесенских рабочих 12 мая – 22 июля 1905 г.», напечатанной в «Записках Московского отд. имп. русского технического общества», № I, январь, т. 30, 1907. Указанные материалы использованы при составлении настоящей главы.
- 3 П. М. Экземплярский. Очерки по истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске. В. 1, 1924. Данные из этой книги использованы в дальнейшем изложении.
- 4 «Образование» № 3, 1906, отд. II, стр. 26.
- 5 Там же, стр. 27.
- 6 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 27.
- 7 Н. Воробьёв. Из жизни иваново-вознесенских рабочих. «Образование» № 3, 1906, отд. II, стр. 32–34.
- 8 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 28.
- 9 Н. Воробьёв. Из жизни иваново-вознесенских рабочих. «Образование» № 3, 1906, отд. II, стр. 37–38.
- 10 На путях к победе. Ивоблгиз, 1940, стр. 16.
- 11 Там же, стр. 64–65.
- 12 Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1928, стр. 32–33.
- 13 «Пролетарская революция» № 9, 1925, стр. 147.
- 14 Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1928, стр. 26.
- 15 Н. Махов. Жизнь минувшая. 1939, стр. 69–71.
- 16 Ф. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 31–32.
- 17 «Пролетарская революция» № 9, 1925, стр. 148.
- 18 М. А. Багаев. За десять лет. Социал-демократическая организация в Иваново-Вознесенском районе в 1892–1902 гг. Иваново-Вознесенск, 1930, стр. 21. Из этого издания взяты основные данные о революционной организации в Иваново-Вознесенске до 1902 г.
- 19 Ленин. Соч., т. 5, стр. 483.
- 20 М. А. Багаев. За десять лет, стр. 26.
- 21 «Старый большевик». Сборник, март–апрель, 2/5. М., 1933.
- 22 С. П. Шестернин. Пережитое. 1940, стр. 101–104.
- 23 Ленин. Соч., т. 20, стр. 227.

- 24 С. П. Шестернин. Пережитое. Ивоблгиз, 1940, стр. 107–108.
- 25 Непериодический сборник «Работник» выходил в 1896–1899 гг. за границей под ред. группы «Освобождение труда». В. И. Ленин принимал деятельное участие в организации издания «Работника».
- 26 Ленин. Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 505, 466.
- 27 Стачка ткачей на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры («Работник», № 1–2, 1896), В. И. Ленин. Статьи и речи по вопросам профессионального движения. Изд. ВЦСПС, М., 1924, стр. 447–451. «Красный архив» № 5, 1935.
- 28 М. А. Багаев. За десять лет. 1930, стр. 49, 54–56.
- 29 «Красный архив» № 2, 1939, стр. 155–160.
- 30 С. П. Шестернин. Пережитое. 1940, стр. 166.
- 31 Ленин. Соч., т. 5, стр. 484.
- 32 Там же.
- 33 М. А. Багаев. За десять лет. 1930, стр. 88–89.
- 34 «Пролетарская революция» № 9, 1925, стр. 150.
- 35 М. А. Багаев. За десять лет. 1930, стр. 90.
- 36 Там же, стр. 104.
- 37 Ленин. Соч., т. 16, стр. 332.
- 38 На путях к победе. Ивоблгиз, 1940, стр. 55.
- 39 О. А. Варенцова. «Северный рабочий союз». 3-е изд., стр. 74.
- 40 О. А. Варенцова. «Северный рабочий союз». 3-е изд., стр. 87.
- 41 М. А. Багаев. За десять лет, стр. 134.
- 42 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 34.
- 43 Ленин. Соч., т. 5, стр. 484, 485.
- 44 1905-й год в Иваново-Вознесенском районе. 1925, стр. 48.
- 45 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 35–36.